

J. DE ROMILLY. Thucydide et l'impérialisme athénien, P., 1947.

В настоящее время в буржуазной историографии почти оставлена та грубая модернизация экономической истории древнего мира, которая была господствующим направлением в конце XIX — начале XX в. Все чаще говорят о «мелкобуржуазном» характере античной экономики, подчеркивают ее узкие масштабы и противопоставляют ее в этом отношении капиталистическому хозяйству. В сфере политической истории мы наблюдаем несколько иную картину: здесь часто самым широким образом применяется современная политическая терминология. В особенности широко используется понятие «империализм». В исследованиях по истории Греции это понятие играет не меньшую роль, чем в историографии по Риму. «Империализм» понимается чисто политически: он означает завоевательную политику, создание обширной державы. Буржуазные историки, переходя к побудительным мотивам «империалистической» политики, вступают в область психологии, говоря об «империализме» как о некоторой психологической величине, как о духовных стимулах, стремлении к власти и т. п., наподобие того, как, например, определял «империализм» Каркопино: «Это — способ мыслить и действовать того народа, который стремится подчинить себе другие народы».

Наряду с психологической характеристикой «империализма» следует отметить другую, часто встречающуюся черту: проводится различие между видами «империализма»: крайним или умеренным, современным или античным, грубым или смягченным, завоевательным или оборонительным. Так как «империализм» — основное понятие, которым оперирует автор рецензируемой книги, то будет излишним привести один — два примера применения этого понятия к истории Греции. Как и можно было ожидать, об империализме речь идет в книгах серии «Évolution de l'humanité». В предисловии к работе Жугэ «Македонский империализм и эллинизация Востока» главный редактор всей серии Берр писал: «с победой Македонии... начинается новая историческая эпоха, открывается новый мир». Существенный фактор этого мира — «империализм». «Империализм», в глазах Берра, это — воля к власти (*la volonté de puissance*). Однако Берр отмечает и «смягченный империализм»: это, по его мнению, — «империализм», окрашенный более плодотворными чувствами и мотивами, более способный создать глубокое единство. К этому виду он относит и македонский «империализм». Александр — творец «нового порядка», развивающий плодотворные мысли в интересах человечества, один из самых героических образов в истории.

Жугэ в своей книге также говорит об «империализме» Александра и его преемников. В противоположность многим другим исследователям Жугэ считает, что в классическую эпоху не было места для империализма, характерной чертой которого, по его мнению, является распространение господства на различные племена и народы: понятие «империализма» приложимо к политике городов-государств лишь в ограниченном смысле. Афины и Спарта имели лишь преходящий успех. Истинный империализм — восточного происхождения. Империалистические государства, это — могущественные державы, увлекаемые стремлением правителя к власти и побуждаемые действием экономических и географических условий к завоевательной политике. Этот восточный империализм постепенно увлек и Александра, использовавшего эллинистическую культуру как орудие для достижения своей цели. Жугэ рассуждает об империализме также и в связи с характеристикой державы Лагидов. Разбирая взгляды Вилькена и Ростовцева на политику птолемеевского Египта, Жугэ указывает, что по Вилькену эта политика характеризует агрессивный империализм (*Weltmachtspolitik*), тогда как, согласно Ростовцеву, империализм Птолемея был оборонительный, экономического характера, и целью его было лишь обеспечение Египта, но не покорение мира. Сам Жугэ занимает в этом споре среднюю позицию, однако для периода правления Птолемея II и III примыкает к взгляду Вилькена.

Совсем иной характер имеют положения Хазебрёка¹, притом они применяются

¹ J. H a s e b r o e k, *Staat und Handel im alten Griechenland*, Tübingen, 1928.

к классической Греции. Выделяя основные моменты древнейшей истории Эллады, как ее изображает Фукидид в знаменитой «Археологии», Хазебрёк полагает, что новая стадия развития Греции, характеризуемая у Фукидида терминами *δύναμις ισχύς*, представляла собою «обнаженный империализм» (*der nackte Imperialismus*, стр. 46 сл.). По мнению Хазебрёка, дело шло об установлении чисто политического господства с помощью сильного флота, а вовсе не о развитии торгового обмена или тем более индустрии. В греческом мире не было торговых войн, конкуренции из-за рынков и т. п.; целью войн было расширение области политико-империалистического господства (*ein politisch-imperialistisches Machtgebiet*, стр. 109). В отличие от «грубой» античности, которой чужд высокий идеал семьи народов и международной солидарности, заявляет Хазебрёк, во всей международной политике нового времени господствует идея правового общения государств. Таким образом, у Хазебрёка мы видим резкое противопоставление современности античности. В древней Греции никогда не появлялось идеи политической солидарности и общей политической организации. Демократия нового времени провозгласила принцип применения строго правовых начал и в области внешней политики, тогда как античная демократия действовала по принципу «кулачного права», политики применения грубой силы. Наглядное и необычайно яркое доказательство этого, по Хазебрёку, — позиция Афин, охарактеризованная Фукидидом в Мелосском диалоге.

Работа Хазебрёка лишней раз показывает, как опрометчиво было бы считать неактуальными проблемы древней истории. Мы видим, как тесно связаны представления об античности с интересами и стремлениями современности. Для Хазебрёка характерно акцентирование грубого, «обнаженного» империализма древности и превозношение «более мягкого» империализма нового времени, регулируемого Лигой наций.

Применяемое с теми или иными целями многими буржуазными историками Греции понятие империализма играет большую или меньшую роль в их исторических концепциях. Это понятие положено в основу и новой работы Ромилли «Фукидид и афинский империализм».

Рецензируемая книга построена своеобразно в том отношении, что автор ее, исходя из одного понятия — «империализм» и считая, что это понятие определяет всю историческую концепцию Фукидида и органически связывает все части его произведения, одновременно стремится разрешить проблему генезиса «Истории Пелопоннесской войны». Оба эти момента, по мнению Ромилли, взаимно обуславливают друг друга: трактовка отдельных вопросов у Фукидида менялась в зависимости от того, как развивалась его общая концепция, на которую, в свою очередь, не могли не повлиять ход, а главное, развязка войны. Изучая различия в суждениях Фукидида, неодинаковое освещение у него тех или иных явлений, мы можем выделить, хотя бы в общих чертах, два слоя в его «Истории» — первоначальный, открывающий более ранние построения и мысли Фукидида, и позднейший, объяснение которого можно искать лишь в условиях катастрофы Афин в 404 г. Вся мысль Фукидида сосредоточена на основном факте — на афинском империализме. С этой точки зрения Ромилли и изучает труд Фукидида, стремясь определить место и содержание понятия империализма у Фукидида (первая часть книги), понять отношение Фукидида к политике различных его представителей (Перикла, Клеона, Алкивиада) (вторая часть), выяснить как единство понятия на протяжении всей его работы, так и изменения, которые были внесены под влиянием хода событий, и таким образом выделить два основных слоя в его произведении (третья часть), наконец, показать позицию Фукидида по отношению к другим мыслителям конца V — начала IV в. (Сократу, Исократу, Платону).

Во всех почти частях «Истории Пелопоннесской войны»; в переговорах, предшествовавших этой войне; в событиях первых лет войны; в страстных дебатах по поводу митиленских событий или после взятия сартавцами Платей, в рассказе о деятельности Брасида, в Мелосском диалоге, в истории Сицилийской экспедиции — это проявление империализма как *ἔξοχην* — проблема «империализма» привлекает к себе все внимание автора. Восьмая книга — единственная часть труда Фукидида, где этот вопрос не играет роли. Во всем произведении великого историка древности, по выраже-

нию Ромилли, доносятся до нас возгласы защитников и противников «империализма» в их драматическом и вечном конфликте. Империалисты—это те, кто желает властвовать (οἱ ἀρχεῖν βουλόμενοι); жажда власти, ambition афинян как некая простая сила (une force simple) — вот сущность «империализма». Фукидид дает абстрактный и универсальный образ последнего. У него «империализм» не связан ни с этническим моментом, ни с политическими интересами определенных групп, ни с борьбой партий. «Империализм» представляет собою явление исключительно в области внешней политики: он связан с войной. Фукидид далек от того, чтобы порицать или хвалить завоевательные стремления афинян. Он стремится лишь понять их.

Рассматривая с такой точки зрения труд Фукидида, Ромилли подчеркивает различия древности и современности. В древности экономический момент имел меньшее значение. В империалистических стремлениях афинян Ромилли видит не просто жажду обогащения, материальных приобретений. Целью было установление господства. Эта цель заключает в себе и достижение высшей свободы.

Речи Перикла содержат обильный материал по вопросу об афинском «империализме». Перикл дает в них не только личную апологию, но и апологию принципов своей политики. Вместе с тем выясняется и точка зрения Фукидида: он против пацифистов, но и против таких империалистов, как Клеон, «империалистов», лишенных порыва (sans élan). «Империализм» Перикла—умеренный, но по сравнению с клеоновским «империализмом» он более умерен в своем практическом осуществлении, чем в принципах. В надгробной речи, как и в последней речи Перикла, выражено сожаление об уже отошедшей в прошлое славе Афин: Афины и «империализм» рассматриваются в них sub specie aeternitatis. Обе речи направлены против людей 404 г., против лаконифилов и противников «империализма» (ἀπρίμους). Фукидид горячо защищает личность Перикла, его военный план и его «империалистические» идеалы.

Безумие Афин (и, следовательно, крайних «империалистов») особенно проявилось в том, что они отвергли мирные условия, которые им предлагала Спарта. Неразумие Клеона более противно Фукидиду, чем чрезмерное благоразумие Никия. Те же взгляды Фукидид развивает в VI—VII книгах. Он против крайностей «империализма», представителем которых является Алкивиад. И здесь Ромилли постоянно подчеркивает единство воззрений Фукидида, отсутствие коренных изменений в них.

Ромилли ставит вопрос, почему Фукидид дает исключительно высокую оценку Фемистоклу, между тем как, будучи «умеренным империалистом», он должен был быть скорее поклонником Кимона. Однако о последнем мы находим лишь несколько упоминаний, тогда как всем известна блестящая характеристика первого, которую можно сопоставить в труде Фукидида лишь с такой же характеристикой Перикла. Ромилли объясняет это тем, что партии в Афинах никогда не имели такой определенности, как в наше время. Прославляя после 404 г. величие Афин и Перикла, Фукидид, естественно, должен был прославлять и великого человека, положившего основание этого величия.

Чтобы показать единую сущность «империализма» у Фукидида, Ромилли подробно анализирует два момента: речь афинян на собрании в Спарте в 431 г. и Мелосский диалог. Первая речь представляет собою защиту афинского «империализма», своего рода profession de foi государства, трактующего проблему «империализма» in abstracto. Являясь совершенно недостоверной, речь эта по своему содержанию проникнута глубоким реализмом. В ней указываются преимущества и заслуги афинян, оправдывается их первенство. Афины — еще не город-тиран, но государство, по праву пользующееся славной властью, которую необходимо развивать, чтобы удержать ее в своих руках. Афины, признавая тот факт, что господство сильного над слабым характеризует нормальное состояние общества, не отказываются действовать, руководствуясь моральными соображениями, они еще придерживаются принципа справедливости (τὸ δίκαιον). Вся речь проникнута антилаконской тенденцией, горячим патриотизмом и верностью традиции. Она представляет собою результат переработки первоначального текста в последнее время (после 404 г.).

Другое впечатление получается от Мелосского диалога, который, несмотря на кажущуюся конкретность его сюжета, имеет общее содержание и по самому замыслу

Фукидид должен был дать общую теорию системы «империализма». Предприятие Афин против Мелоса у Фукидида рассматривается как осуществление некоторого вечного принципа, метафизического тезиса. Фукидид стремился наметить генеральную политическую линию воинствующего афинского «империализма». Ромилли на основании ряда соображений приходит к выводу, — он, правда, не пов, и с ним можно согласиться, — что диалог написан тогда, когда автор его уже несомненно знал об исходе войны, знал новую ἀρχή, к образованию которой повела война «за освобождение эллинов», и видел эгоизм и лицемерие спартанской политики, проявившиеся со всей силой после победы.

Ход мысли в тезисах афинян таков. Афины внушают страх и ненависть союзникам. Чтобы держать последних в повиновении, необходима демонстрация мощи, а для этого власть Афин должна распространиться на всех. Таким образом, политика завоевания, это — мероприятие по охране безопасности (ἀσφάλεια). Получается заколдованный круг, замечает Ромилли, non ire ille vult, sed non potest stare.

С другой стороны, в диалоге отсутствует та мотивировка афинского «империализма», которая давалась раньше: ссылки на славу, заслуги, идея прогресса и активности. Изменился характер «империализма», изменилось и отношение к нему Фукидида, сторонника «империализма», основанного на ослепляющей идее величия афинской доблести, уважения к справедливости, умеренности. Фукидид отрицательно относится к «империализму», основой которого являются лишь жажда приобретения и сохранения своего владычества. Такой «империализм» должен неминуемо привести государство к гибели. Но помимо этого, по мнению Ромилли, Мелосский диалог вскрывает самую суть всякого «империализма», его тенденции, под какими бы формами он нам ни представлялся.

Фукидид знает о существовании закона психологического и морального увлечения (entrainment, стр. 268), жертвой которого становится город-тиран. «Человеческая природа», по воззрениям греков, представляла собой нечто постоянное, но Фукидид, говоря о ней, всегда имеет в виду случаи победы, преобладания в человеке аффекта над разумом. ὄβρις имеет место тогда, когда человек действует, не опираясь на доводы разума. Это своего рода «головокружение от успехов». Фукидид презирает толпу, которая легко поддается импульсам «человеческой природы» и действует под влиянием аффектов. ὄβρις свойственна демосу. Таким образом, начало внешней политики следует искать во внутренней. По мнению Ромилли, все изображение Фукидида свидетельствует об этом. Перикл (II, 65) действует согласно началам разума и противостоит ὄβρις и ὄργη толпы. Вся «История Пелопоннесской войны» представляет собой великий поединок между «мудростью» и ὄβρις.

В труде Фукидида имеются, по мнению Ромилли, два слоя: 1) более ранний и 2) позднейшие добавления и изменения. Ромилли считает возможным выделить их лишь в общих чертах. Позднейшими элементами являются очерк пентеконтаэтии и вторая часть речи афинян в I книге, надгробная речь и последняя речь Перикла вместе с его характеристикой (II, 65) — во II книге, некоторые части IV книги, относящиеся к Брасиду, и некоторые части VI и VII книг, где идет речь о личности Алкивиада и об Афинской державе. Чем же определяется различие между двумя слоями? Ромилли не согласна с Е. Шварцем, что перед нами скорее совокупность отрывочных глав, подвергавшихся не раз редактированию, так как этому противоречат взаимная связь частей и глубокое единство всего содержания. Но и теории унитариев неприемлемы для автора книги, поскольку они не дают удовлетворительного объяснения различию в идеях отдельных частей «Истории». Можно установить, по мнению Ромилли, лишь следующее. Фукидид, имея в виду 10-летнюю войну, писал свою историю, считая редакцию окончательной. Видя, что события разворачиваются, он продолжил работу, составлял заметки и наброски, которые подверг обработке уже после окончания войны. Задача заключается в том, чтобы решить, соответствует ли данный отрывок прежней редакции или принадлежит позднему моменту в творчестве Фукидида, объясняет ли он данные события или выдвигает некоторые общие положения, навеянные исходом войны. Эти моменты и образуют «порог». Ромилли думает, что его возможно определить

и что по изложению Фукидида можно проследить, как отразился в его сознании крах Афин в 404 г. Вся концепция войны, суждение об ее причинах должны были видоизмениться. Падение Афин предстало перед Фукидидом как кризис «империализма». Изменились и условия, в которых работал Фукидид: торжествовали противники «империализма». В борьбе с демократией и ее вождями они принижали и мечты о величии и славе Афин. Фукидид в своем произведении энергично возражает им, высоко превознося все то, что, по его мнению, несправедливо подвергалось осуждению: Перикла, «империализм», демократию, Афины. Исход войны превратил историка в беспристрастного философа, который стал анализировать события с высот идеи *κτῆμα εἰς αἰεί*. Так решает Ромилли вопрос композиции труда Фукидида в связи с проблемой афинского «империализма».

Едва ли нужно много говорить о том, что Ромилли совершенно неправомерно оперирует понятием афинского «империализма». В этом некритическом применении понятия, содержание которого ни в какой мере не оправдывается развитием древнего общества, заключается *πρῶτον ψεῦδος* автора рецензируемого труда. Мысль Ромилли пошла по тому широкому пути, по которому шли, как мы видели, многочисленные буржуазные историки, употреблявшие понятие империализма в смысле политики или даже психологии завоеваний. Ромилли сама указывает, что у греков не встречается соответствующего термина. *Ἀρχή* обозначает державу. Однако автор утверждает, что самое явление было хорошо известно грекам, так как «империализм» — жажда власти. Но ведь дело заключается не в том, чтобы подметить некоторые общие психологические черты. Во всяком классовом обществе мы наблюдаем завоевательные войны и жажду захватов, но объективные условия соответствующих конфликтов, их причины и движущие силы были совершенно различны в зависимости от социально-экономической структуры, от степени развития производительных сил. Употреблять по отношению к древности термины «империализм», «империалисты», «империалистические» войны в том смысле; как это делает Ромилли и проч., значит только затемнять эти различия, возбуждать у читателя ложные ассоциации, предлагать ему фальшивые параллели.

Таким образом, перед нами образец своеобразной модернизации античности, несмотря на то, что Ромилли неоднократно подчеркивает разницу между античной Грецией и нашей современностью. Дело в том, что эта разница в ее понимании касается не существа явлений, но их масштаба и особенностей. «Империализм» и свобода свойственны, по ее мнению, и древности и современности. Но тогда, в старину, это был «империализм» наивный и прямой, а представление о свободе было неразрывно связано с идеей *ἀρχή*, тогда как в новое время принципы взаимности и универсальности, развитые философией XVIII—XIX вв., в особенности кантианской, разъединили эти две идеи. Таким образом, Ромилли рассматривает «империализм» как некое внештатное явление, присущее человеческой природе, но отличающееся некоторыми чертами, характерными для того или иного исторического периода.

В своем исследовании Ромилли не раз обращается к произведению Бенжамена Констан «*De la conquête et de l'usurpation*». Естественно возникает вопрос, какое отношение может иметь знаменитый памфлет представителя либерализма начала XIX в. к труду Фукидида. В том, как Ромилли применяет идеи Констан в своей работе, ярко сказывается ее точка зрения и метод. Она полагает, что Б. Констан характеризует дух завоевания так, как он проявляется в новой Европе, но лишенным всего того, что могло бы его приукрасить или подчистить. Вследствие этого его анализ соединяется с анализом Фукидида и приобретает, как и у Фукидида, вечное значение (*une valeur éternelle*). Правила, которые устанавливает Б. Констан, годны, по ее мнению, для всех эпох (стр. 255, примеч. 1). Однако достаточно заглянуть в сочинения Б. Констан, чтобы убедиться в произвольности такого толкования. В его работах не раз резко выступает мысль о противоположности древнего и нового мира. Ему принадлежит знаменитая речь о различии понятия свободы у древних и современных народов, и той же мыслью проникнуто сочинение «О завоевании и узурпации». В данной связи особенный интерес представляют идеи Б. Констан о войне. В древности война — необходимость: народы спорят за небольшие территории, безопасность, независимость, самое существование

обеспечивается попой. Наш мир, настаивает Б. Констан, полная противоположность древности. Отсюда ужас и бессмысленность деятельности завоевателя в современных условиях процветания, развития торговли и многообразных связей между народами. «Они (завоеватели), отделенные нравственной пропастью от остального рода человеческого, проходят через мир, обращая самый прогресс цивилизации против нее, пользуясь убийством как средством, развратом для препровождения времени, ставя целью грабеж» Констан необыкновенно ярко рисует образ завоевателя-тирана: «горе тем, кто, считая себя непобедимым, бросает перчатку роду человеческому... Подчинение одного народа другим теперь более чем когда-либо не может долго продолжаться»¹. Эти и подобные высказывания превосходно подходят к агрессорам новейшего типа, но вовсе не применимы и не должны применяться, по мысли Б. Констан, к древности.

Ромилли ошибочно распространяет идеи своего соотечественника, наивенные исторической действительностью Европы начала XIX в., на античную Элладу, не замечая, что этим она искажает и его мысль, и греческую теорию, и Фукидида. Впрочем, несмотря на неправильное, не соответствующее идеям Б. Констан применение его положений, Ромилли имеет несомненное сходство со своим знаменитым предшественником, метод которого во французской же научной литературе был когда-то охарактеризован как «совершенно философский, т. е. чисто абстрактный и дедуктивный». В этом отношении использование автором мыслей Б. Констан не случайно.

Автор много говорит о том, что у Фукидида мы находим общий и философский закон «империализма», что Фукидид выявляет сущность «империализма» для всех времен и народов. Тем более непонятно, почему она ограничивается рассмотрением лишь афинского «империализма». Ведь если на Фукидида оказали такое глубокое влияние события 404 г., если он был современником начала спартанского «империализма» и резко высказался против него в своем сочинении, то почему же Ромилли ограничилась одними Афинами?

Уже из того, что было сказано об использовании идей Б. Констан, видно, какую позицию по отношению к «империализму» занимает сам автор. «Империализм» рассматривается ею в сущности как явление отвлеченное, как результат некоей психологической силы, присущей человеческой природе.

Отвлеченная и идеалистическая точка зрения определяет весь характер работы Ромилли. В одной из рецензий на ее книгу говорится, что у автора чувствуется подход не столько историка, сколько филолога. По нашему мнению, это очень мягкая формулировка того, что дано в исследовании.

Автор поставил перед собою сложную историческую задачу, но подошел к ее решению неисторически. Читатель не может не заметить разрыва между солидной филологической техникой Ромилли и ее примитивными приемами исторического исследования. Автор нередко подходит к интересной исторической проблеме и тотчас же отходит от нее, не углубляясь в вопрос и не приводя никаких конкретных данных помимо литературных сопоставлений. Ограничение предмета исследования идеями Фукидида и вопросом о датировке составных частей его сочинения не может служить оправданием для такого изолированного изучения. Эта изолированность проявляется во многих отношениях. Автора совершенно не интересует социальный фон. Уже Б. Констан знал, что «без рабского населения в Афинах 20 тысяч афинян не могли бы ежедневно рассуждать на общественных площадях» (ук. соч., стр. 545). И все же рабы ни разу не упомянуты на протяжении всего изложения Ромилли, хотя вполне понятно, что Фукидид не ввел бы в свой рассказ такие данные, как известия об илотах в Спарте и Мессении, о бегстве 20 тысяч рабов в Декелею, о многочисленных рабах на о. Хиосе, если бы не придавал этому большого значения. Изучая историческую концепцию Фукидида, естественно было бы обратить внимание и на эти данные. Но, даже не говоря о рабах, мы должны отметить, что у Ромилли отсутствует материал о социальных отношениях среди свободных. Не один раз касается, например, она вопроса о восторженном отношении Фукидида к деятельности Фемистокла, но так и не дает объяс-

¹ B. Constant, De l'esprit de la conquête, стр. 15, 60.

нения этому явлению. Ссылка на то, что партии в Греции не имели достаточно определенного характера, что Фемистокл был великим человеком и что не один Фукидид в 404 г. обращался к его великому образу, ничего объяснить не может. Указание же на инициативу Фемистокла в деле развития морской мощи Афин без дальнейшего исследования соответствующих фактов оставляет без ответа вопрос о социальной позиции всех трех деятелей (Фемистокла, Перикла, Фукидида). Проблему социальной основы надо было хотя бы затронуть и тогда, когда автор замечает, что Фукидид никогда не упускал провести глубокую грань между Периклом и его преемниками.

Понятно, что и такое место, как III, 82—83, где Фукидид дал незабываемое по драматизму и глубине мысли изображение результатов и проявлений гражданской войны в Греции, упомянуто только бегло раза два: оно не остановило на себе внимания автора, хотя элиминировать его из общей исторической концепции Фукидида — это значит отрезать себе дорогу для понимания этой концепции. Не отмечена у Ромилли и борьба 411 г., которую Фукидид рисует отнюдь не в рамках абстрактного философского изложения, но сообщая множество конкретных сведений, увязывая эту внутреннюю борьбу со сложной внешней ситуацией и высказывая при этом свои политические взгляды.

С другой стороны, отсутствует и политический фон. Можно было бы думать, что в обрисовке этого фона нет особой нужды, поскольку автор решающим «порогом» в развитии идей Фукидида считает лишь заключительный момент 404 г. Впрочем Финли также основывает свою унитарную теорию на той же идее, хотя и не развивает ее так обстоятельно, не обставляет такими доказательствами, как французский автор. Можно ли было, спрашивает он, одинаково писать о Наполеоне и наполеоновских войнах в 1800 и в 1815 гг.¹ Конечно, исход войны должен был сильно повлиять и на историческую концепцию Фукидида. Но для решения этого вопроса все же недостаточно проследить историю лишь одной идеи (идеи «империализма») в его сочинении: необходимо было бы исследовать и изображение внутренней истории Афин, положения других государств, характеристики различных деятелей и проч. И для более раннего слоя, создававшегося в течение 27 лет, нужно было выяснить связь между ходом политических и военных событий и концепцией Фукидида. Исследователь Фукидида обязан изучить расстановку политических сил и определить его позицию в борьбе партий, хотя, конечно, партии в античности вовсе не похожи на партии в современном смысле. В книге все время подчеркивается тождество воззрений Фукидида и Перикла, но не выясняется позиция историка по отношению к вопросам внутренней политики. А ведь сам автор считает, что и для Фукидида в конечном счете проблемы внешней политики определяются его позицией во внутренней борьбе. И все же на протяжении всего исследования мы находим лишь очень общие и поверхностные характеристики, притом связанные исключительно с проблемой «империализма». «Мы должны,— замечает Ромилли (стр. 58),— восстановить картину теоретической борьбы, мы должны проникнуть в эту область, куда запрещает нам входить Фукидид, и рассмотреть внутри города-государства столкновения личностей, партий и программ». Пожелание автора вполне правильно, но осуществляется оно весьма поверхностно.

Автор устанавливает в отношении к «империализму» три главные группы: а) «революционную оппозицию», которая все надежды возлагала на Спарту; б) крайних империалистов и в) умеренных империалистов, причем две последние группировки разделяет опять-таки отношение к Спарте. Но, констатируя подобное разделение, Ромилли не объясняет его удовлетворительным образом. Перикл всегда заботился о преобладании Афин. Это обстоятельство связывается в книге с тем, что, как ученик Анаксагора, он привык всюду руководиться суверенитетом разума (*νοῦς*). Во многих случаях автор довольствуется общими определениями — «антиимпериалистическая реакция» или не очень убедительными параллелями: Кимон может быть противопоставлен Фемистоклу или Периклу, так же как Никий — Клеону или Алкивиаду. Но при таких аналогиях

¹ Finley, Thucydides, стр. 78.

без сопутствующего им социального или политического анализа упускается из вида различие в исторической обстановке в разные периоды. Лишь в одном месте автор пытается выяснить более детально социальную подоплеку внешнеполитической ориентации. Ромилли ставит вопрос о мотивах тяготения части афинян к Спарте. Эти мотивы следующие: а) симпатии к олигархии; б) авантюристическая политика; в) умеренный темперамент; г) семейные традиции; д) соображения личной выгоды. Можно, конечно, думать, что личные мотивы, психология деятелей могли быть различными, но автор не видит, что в его перечне отсутствует основное: связи симпатий к Спарте с интересами определенной социальной группы. В этом отношении нельзя не признать, что книга Ромилли представляет известный шаг назад даже по сравнению со старыми работами Гильберта, Круазе или с исследованиями Клоше.

При чтении книги Ромилли особенно поражает отсутствие даже постановки вопроса о реальном значении термина «империализм» (в ее понимании) в приложении к афинской политике. Ведь если Фукидид дает картину первоначального развития Афинской державы, ее основных тенденций и причин, которые привели ее к гибели, то для понимания мысли Фукидида следовало охарактеризовать эту существовавшую в действительности систему отношений, по поводу которой он философствует, присмотреться к тому, как мысль историка охватывала и освещала реальные явления, насколько правильно охарактеризовал Фукидид отношение Афин к *ἄλλοις*. Ответа на эти вопросы мы не находим: автора интересует ход мысли Фукидида, и только. Но ведь мысль эту можно понять, лишь учитывая действительность, в условиях которой она развивалась и которую стремилась объяснить.

Автор, как уже говорилось, превосходно знает не только Фукидида, но и другие литературные источники того времени. Однако это знание приводит лишь к более или менее удачным сопоставлениям текстов Фукидида и Исократ, Еврипида, Псевдо-Ксенофонта и др. И в этом случае читатель имеет дело скорее с *membra disiecta*, с текстами, а не с жизнью, с отдельными авторами, а не с умственными течениями, развивающимися в определенной исторической обстановке. Цитаты интересны и показательны, но мы не чувствуем атмосферы эпохи, читатель видит текст из произведения Платона, а не самого Платона как представителя того или иного направления в идеологии V—IV вв.; мы знакомимся с частными высказываниями софистов, но не с духом софистических теорий. В особенности это чувствуется в отношении политических учений. Теории Фукидида не развивались изолированно; в его формулировках мы обнаруживаем нередко сходство с другими произведениями, свидетельствующее о значении проблемы, о том, как она ставилась в литературе. Очень важным для понимания идей Фукидида, его исторической концепции было бы изучение таких терминов, как *δίκαιον* и *σοφείρων*. Почти любая фукидидовская речь включает рассуждения на эту тему. Она звучит уже в первой речи коринфян, проходит через выступления Перикла, на ней построен весь Мелосский диалог. Тем более странно, что Ромилли почти обходит этот вопрос, затрагивая его лишь мимоходом (стр. 123). Несомненно правы те исследователи, которые так или иначе стремятся включить Фукидида в широкий контекст истории культурного развития Греции. Мысль, например, о применении Фукидидом терминологии, выработанной Гиппократовской школой в медицине, к истории человеческого общества представляется обоснованной. Ромилли не упоминает об этом. Едва ли можно обойтись и без изучения правовых воззрений, если вспомнить, какое значение имели вопросы права в «Истории» Фукидида (проблема виновников войны, отношения Афин и союзников и пр.). С другой стороны, при исследовании хода мысли Фукидида необходим анализ его исторических приемов, определение места, которое он занимает в греческой историографии. Нити от труда Фукидида идут не только к Демокриту, Гиппократу или софистике, но и к «Отцу истории». Представления Фукидида об истории, об историческом развитии, о факторах этого развития и пр. заслуживают специального изучения не менее, чем общеполитические его понятия.

Ромилли универсальным использованием понятия «империализм», отождествлением его со всей исторической концепцией Фукидида заслонила от себя многие другие существеннейшие для выяснения этой концепции вопросы, сузила содержание вели-

кого труда греческого историка. Вряд ли стоит более подробно останавливаться на невозможности и з о л и р о в а н н о г о изучения идей автора или композиции его произведения, изучения вне общего исторического фона, вне связи с различными сторонами исторического процесса, с экономической, социальной, политической и культурной жизнью его времени.

Впрочем, следует рассмотреть и то, что дано автором в специальной и, по нашему мнению, искусственно выделенной им сфере развития идей. Прав ли автор, разбирая весь труд Фукидида под одним углом зрения, как развитие одного понятия, хотя бы самого универсального и философского? Можно ли сводить историческую теорию Фукидида лишь к освещению вопросов внешней политики? Нам кажется, с этим согласиться нельзя. Правильный путь откроется перед нами не в том случае, если мы а priori обнаружим у Фукидида некое универсальное понятие, но если, идя последовательно шаг за шагом в анализе его произведения, стараясь определить объект его исследования и приемы, используемые им при этом, мы будем рассматривать творчество Фукидида в органической связи с историей его общества. «Фукидид-афинянин описал войну афинян и непопонщесцев, как они вели ее друг с другом» (Т h u с., I, 1, 1). Основным объектом его исследования была война, которая и вообще в античной историографии является одним из главных предметов исторического изображения. Что представляет собой война, каковы ее причины, начало и ход — это то, что стремится выяснить Фукидид прежде всего. Его интересуют не отдельные события (как бы подробно и точно он ни старался их передать) или лица (какое бы внимание он ни уделял их характеристике), но некоторая общая историческая закономерность. Чем же она обуславливается у Фукидида? В противоположность сверхъестественному фактору Геродота, его *νέμεσις*, у Фукидида этим законообразующим и связующим единичные события моментом является «человеческая природа», понятие не менее центральное в концепции Фукидида, чем понятие *ἀρχή*. «Человеческая природа» это — совокупность определенных психических свойств, и, таким образом, одной из задач исследователя Фукидида представляется изучение системы его психологии. Значение этой проблемы будет понятно, если мы вспомним, что у Фукидида и у позднейших представителей прагматической истории вопрос о причинах исторических событий сводится главным образом к установлению мотивов действующих лиц.

Однако, если Фукидид не ставил своей задачей дать социальную историю, то его труд отнюдь не заключает лишь изложения военной истории и внешней политики «имперализма» или его философии в речах действующих лиц. Нет, этот труд, несмотря на все своеобразие и неполноту характеристик отдельных деятелей, содержит ценные данные и по внутренней истории Афин (достаточно вспомнить содержание VI, VII или VIII книг), а одной из не вполне разрешенных и актуальных задач, стоящих перед исследователями, является определение социальной и политической позиции Фукидида в сложной обстановке его времени. Ромилли, Финли и др. показали, чем были в глазах Фукидида Перикл и его политика, особенно после 404 г., но установлением этой идейной связи в сущности и ограничились. Чтобы достигнуть более полных и объективных результатов, необходимо, наконец, заняться социальной историей Афин V в., — данные для этого есть, — и решение этой проблемы, отчасти при помощи того же Фукидида, поможет лучше понять и особенности его великого труда.

К. К. Зельин

ПАНЭЛЛИНИЗМ И БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ

В 1947 г. в США вышла в свет книга американского ученого Робинсона «Александр Великий». Эта книга мало чем отличается от сотен других, написанных на ту же тему буржуазными исследователями. В ней не ставится никаких новых проблем; что же касается глубины разработки материала, то она далеко уступает целому ряду предше-